

Михаил ЖИГАЛОВ:

«Я обрел популярность дурным образом»

цивильно: спорт, танцы, девушки. И когда вернулся обратно, испытал настоящий шок. Но дома меня спасал двоюродный брат Борька, который два раза сидел и с которым мы жили в одной квартире. Брата Чику (его кличка) никто не смел пальцем тронуть на Тверских. Чику уважали — две ходки, две отсидки.

— То есть с опасными критическими ситуациями в жизни вы тогда не сталкивались?

— Я сталкивался с ними, но как-то по касательной, чаще свидетелем являлся. Как-то все проносило, что-то выручало.

— Получается, искать предпосылки творческой биографии в вашем детстве бессмысленно?

— Я был обычным мальчишкой, но всю ту атмосферу, естественно, впитывал. В дальнейшем я своих персонажей, конечно, не списывал конкретно с каких-то знакомых, но разные интересные черточки, выражения вспыывали. И было что использовать.

— Галерея ваших преступных образов началась с роли Сударя в "Петровке, 38"?

— Да. Именно с нее. А потом пошла нескончаемая бандитская череда, и на этом я чуть не погорел. Раньше ведь быстро ярлыки навешивались. Помню, молдаване пригласили меня на роль капитана советской подводной лодки (герой типа Маринеско). Тогда худсовет меня утвердил, но это был госзаказ, и требовалось разрешение Госкино. А Госкино на уровне главного редактора зарубило мои пробы, потому что в это время по телевизору шел фильм "ТАСС уполномочен заявить". Когда редактору представили мою кандидатуру: "Артист Жигалов из "Современника", он в ответ возмутился: "Да вы что?! Он каждый день по телевизору за водкой бегает, нука давайте отсюда, ищите настоящего артиста на роль капитана". И все, я повис. Возникла проблема: а что дальше? И я почти смирился, что так и буду играть преступные элементы. Сценарии ведь только такие несли... Но потом режиссер Борис Григорьев, который меня в это дело втянул, сняв в "Петровке, 38", меня оттуда попытался вытащить, пригласив на роль мента Никитина в картину "Приступить к ликвидации". Мы за нее премию МВД получили... И вроде как-то внешне ситуация поменялась, а внутренне меня спас Марлен Мартынович Хуциев, когда я на себе уже крест поставил...

— А почему поначалу соглашались на бандитские роли?

— В то время отрицательные роли было интереснее играть, чем положитель-

ные. Это сейчас можно следовать системе Станиславского: если он хороший — ищи плохое, если плохой — хорошее. А тогда нельзя было этого делать. Если директор завода, то белее белого листа. А вот как раз психологическое развитие отрицательного образа, попытки сделать его "живым" всячески приветствовались и поощрялись. Кстати, я пробовался и на положительных героев, но, к сожалению, все мои начинания тут же рубились на корню.

— А куда тянулась в это время душа?

— Всю жизнь к Достоевскому. У него любое произведение, какое ни возьми, мое. Я для себя даже такую хитрость придумал: играя, к примеру, того же Сударя в "Петровке, 38", я внутри у себя держал эскиз для Раскольникова, разумеется, в рамках материала.

— И потом увидели это на экране?

— Что-то — да, ну, например, помните эту сцену в квартире, где он не смог убить двух стариков. Отражение внутренней борьбы, момент рокового шага. Как его сделать? Вообще, мне кажется, наше кино от западного этими психологическими нюансами и отличается сильно. Когда снимали "Найти и обезвредить", перед нами поставили задачу — снять отечественный вестерн, где причинно-следственные связи никого не интересуют, просто задается ситуация, а дальше — погоня. В чистом виде у нас, конечно, этого не получилось. Русские картины очень психологичны по сути. Это в зарубежных лентах одно действие, и все ходы просчитаны. Но у них есть, несомненно, великие фильмы, такие, как "Крестный отец", "Однажды в Америке".

— Кто, в таком случае, самый уважаемый злодей-коллега?

— Энтони Хопкинс в "Молчании ягнят" великолепен.

— В реальной жизни приходилось сталкиваться с прототипами своих герояев?

— Когда я договорился с вами о встрече, то стал вспоминать. И оказалось, что я ведь во многих тюрьмах побывал: и на Петровке в следственном изоляторе, и в Крестах, и в Бутырке, и в других. Много довелось повидать людей. Каждый интересен по-своему, если раскрывается. Но с заключенными все не так-то просто, сколько они всего придумывают, никто чистую правду не выкладывает. Но как-то сразу понимаешь, когда рассказывают легенду. Сейчас я склонен думать, что подобный жизненный путь во многом определяется наследственностью. А что касается встреч, вот как раз в гродненской